

Кое-что, о чем мы постоянно думаем

Дарсия Давенпорт

Когда речь заходила о ментальной магии, всегда немедленно выяснялось, что Дарсия еще очень, очень плохо понимала, что и как в этой сложной науке происходит, куда ей по этому направлению в мастера рваться. И потому даже мельком, вскользь брошенная Стефано реплика о том, что ментальный блок, возможно, спадет сам собой, показалась девушке очень неплохой идеей. Еще какое-то время Дарсия продолжала над этой идеей размышлять, поворачивала ее и так, и эдак, рассматривала внимательно со всех сторон, как можно лучше продумывала, как можно к этому подступиться, и когда наконец решила, что все как следует придумала и ко всему готова, поспешила назначить Стефано встречу.

Местом встречи Дарсия не без умысла выбрала беседку у обрыва - ей казалось, в этом месте находится самое что ни на есть средоточие воздушной стихии, которое непременно должно помочь юноше разбудить его магию. Кроме этого, Дарсия собиралась сделать одну очень важную вещь, о которой она позорно то и дело забывала, и вернуть юноше его подвеску с горным хрусталем. Камень, если Дарсия хоть что-то понимала в том, как работают камни, тоже должен был усилить в юноше воздушную стихию и помочь снова ее пробудить. И со всеми этими заготовками Дарсия ждала Стефано в беседке, волнуясь и переживая. Переживая в первую очередь из-за того, что юноша может назвать ее задумку глупостью и отказаться в этом участвовать. Ну и что, что он так никогда не говорит, вдруг сейчас будет именно тот редкий, доселе небывалый случай, когда скажет. Идея-то действительно слабая, это Дарсия осознавала вполне откровенно. Проблема только в том, что ни одной идеи лучше у нее нет и пока не предвидится.

Стефано Грассини

К тому, что магии Воздуха он теперь лишён и нужно снова жить как раньше, до всех стихийных фокусов и чудес, Стефано привыкал так старательно, что в конечном итоге привык. И теперь спокойно обходился без стихийной магии вовсе. Назойливую привязанность к воздуху мало-помалу удалось изжить и вытравить из себя, а вода в итальянце все равно никогда толком не развивалась и пыталась заглохнуть при любом удобном случае, на неё изначально никто не рассчитывал.

Но если Стефано с произошедшими с ним переменами гибко свыкся, то Дарсия, именно здесь затвердев несокрушимым льдом, свыкаться и мириться отказывалась напрочь. И через какое-то время примчалась с идеей: она придумала, что делать, нужно пробовать. Невероятные зелёные глаза девушки так и горели воодушевлением и желанием помочь, и магнетической силе этих глаз Стефано уступил почти немедленно, соглашаясь встретиться с Дарсией для того, чтобы проделать все, что она задумала, не суть важно что, если она так искренне верит в то, что это действительно может помочь.

В беседке девушка ждала с таким взволнованным, даже где-то перепуганным лицом, словно они собирались не провести несколько мирно-безопасных попыток пробудить потерянную магию, а как минимум вопросы жизни и смерти решать. Стремясь развеять это настроение девушки, Стефано подсел к Дарсии, притянул её к себе, крепко обнял и как можно бодрее улыбнулся: - Здравствуй, милая. Ну что же, рассказывай - что ты сегодня для нас придумала? Что мне делать?

Дарсия Давенпорт

Ожидая юношу в беседке, Дарсия с каждой минутой все больше волновалась и все меньше верила в успех своей идеи. Дурь сочинила, ну ясно же, как вообще такое могло в голову прийти. Но стоило Стефано появиться, и при первом же взгляде на него эта тревога непостижимым образом развеялась, как дым. Со свойственной ему воздушной лёгкостью Стефано ухитрялся лучиться уверенностью в Дарсии и её идиотской задумке, и даже его голос, казалось, подтверждал это каждой нотой. Прижавшись к обнявшему её юноше, Дарси уткнулась лицом ему в грудь, молча задышавшись и чувствуя, как сокрушительная нежность уничтожает её изнутри. Стефано верил в неё там, где она сама в себя не верила, всегда верил, и это почему-то, вместо того, чтобы придавать ей сил, напротив, делало девушку слабой и беспомощной, подрывало её силы вместо того, чтобы их умножать.

- Сначала я хочу кое-что тебе вернуть, - наконец подала голос Дарси и потянула из-под ворота блузки драконью подвеску. Две строптивые цепочки переплелись почти что намертво, и Дарси, смущаясь и торопясь, долго терзала их непослушными пальцами, пока наконец не распутала. Серебряный рог остался украшать её шею, а подвеску в форме дракона девушка протянула Стефано и покаянно сказала: - Вот, возьми. Я нашла ту, что ты мне дарил. Давно уже нашла, прости, что так долго тянула. Теперь моя на мне - а эта твоя. Возьми, пожалуйста, - неловко закончила Дарси. Здесь бы какую-нибудь более торжественную речь произнести, но у девушки, как всегда, в самый нужный момент язык почти что отказал.

Стефано Грассини

В том, как Дарсия прильнула к нему, было что-то неожиданно беспомощное, незащитное, и в первый миг Стефано даже растерялся, обнимая ее хрупкие плечи и чувствуя только, как она часто, встревоженно дышит у него на груди. Она вдруг показалась ему совсем юной девочкой, еще ребенком, и это вызвало одновременно и шквальный прилив нежности, и острый приступ стыда за то, как он себе порой позволял с этой девочкой обращаться.

И даже когда Дарсия зашевелилась, оживляясь и стряхивая незащитное оцепенение, ни нежность, ни стыд так и не отступили.

- С ума сошла? Тебе не за что извиняться, я тебя обожаю, и неважно, с подвеской или без, - возразил Стефано. Хоть и было приятно знать, что они обменялись подарками и бережно их хранят каждый со своей стороны, это отнюдь не было главным и определяющим. Стефано принял из рук Дарсии тонкую цепочку, благодарно коснулся губами нежного лба девушки и кивнул, застегивая цепочку у себя на шее: - Спасибо, милая. Хорошо, что мы делаем теперь? Ты ведь не ради этой подвески меня сюда позвала, - уверенно напомнил юноша. Он в общих чертах даже знал, зачем они здесь на самом деле собрались, но у Дарсии явно появился некий конкретный план действий, потому что просто о необходимости исправлять дело они с девушкой разговаривали уже довольно давно, однако целую встречу по этому поводу Дарси потребовала устроить только сейчас.

Дарсия Давенпорт

- Тебя послушать, так мне всегда не за что извиняться, - растроганно пробормотала Дарси. Неизменная доброта, с которой Стефано относился к ней всегда, сколько она его помнила, точно так же неизменно больно жалила в самое сердце, и хотелось всем телом к юноше прикипеть, чтобы только попытаться хоть чем-нибудь ему за

эту доброту заплатить, чтобы хоть что-нибудь отдавать в ответ, а не только забирать и забирать раз за разом.

И, в момент, когда Дарси уже начала совсем было расклеиваться, слова Стефано максимально своевременно напомнили ей о том, что делать это некогда и незачем. Что у нее тут как раз есть шанс сделать для юноши что-нибудь в ответ, а она его упустить собралась.

- Ты прав. Я тебя звала по другому поводу, - подтвердила Дарси. Пока еще текли те последние мгновения, в которые нежность не была неуместной, девушка, спеша, обвила руками шею Стефано, прижалась губами к его щеке и так же быстро отстранилась. Надо было уже начинать говорить о деле, а то так они могли долго сидеть и нежничать, Дарси прекрасно знала, как у них проходит девяносто процентов разговоров. - Помнишь, ты спрашивал, не может ли ментальный блок свалиться сам? Я хочу, чтобы мы с тобой это проверили, - заявила Дарси и попросила: - Попробуй, пожалуйста, вспомнить какое-нибудь из первых упражнений в магии Воздуха, из тех, что новичкам дают. Что-нибудь, чтобы было совсем простое и не опасное. Ты ведь учился магии в монастыре, ты наверняка что-нибудь такое помнишь? - Хотя, как запоздало вспомнила Дарси, молодой итальянец в большей степени был самоучкой, чем прилежным посетителем проводимых мастерами занятий. Может, как раз-таки и не делал, не помнит. Тогда придется такой красивый план переиначивать на ходу - а очень не хотелось бы, так план наверняка в качестве потеряет.

Стефано Грассини

- Справедливости ради: пока гораздо больше поводов просить прощения было у меня, - напомнил Стефано. Он едва ли мог что-то припомнить Дарсии, кроме злополучной истории с гиеной - да и то, откуда же девушка могла знать, что наткнется на неуправляемого оборотня в такой близости от монастыря, - тогда как сама Дарси могла помимо той же гиены припомнить юноше и еще некоторое число проступков, причем об отдельных из них даже мельком вспоминать было мучительно.

Собранность, с которой Дарси, еще минуту назад мягкая и беззащитная, переходила к железной собранности и настраивалась на дело, потрясала. Стефано даже не успел толком обнять в ответ поцеловавшую его девушку, и вот она уже отстранилась, сосредоточенно рассказывая ему о том, что сейчас они будут кустарными методами сломать ментальный блок. Звучало не слишком выполнимо - но, по меньшей мере, и опасно тоже не звучало, а потому юноша был готов попытаться.

- Новичков, насколько я в курсе, вроде бы обычно учат использовать воздух, чтобы падать помягче - так что я могу разок-другой прыгнуть с крыши беседки, чтобы отработать этот вариант, разбиться здесь неоткуда, - или создавать движение воздуха, вызывать слабый ветер, - припомнил Стефано, с легкой тоской вспоминая еще и то, как сифу Фэн учила балансировать на сотканных из воздуха шарах; поистине цирковой трюк, теперь юноше наглухо недоступный. - Если мы будем пользоваться вторым способом, то тебе тогда лучше будет немного отойти. Ну, хотя бы выйти из беседки, что ли, - предложил Стефано. Он до сих пор отчетливо помнил свой почти панический страх не справиться с магией, причинить Дарсии боль, ранить ее, и сейчас для их экспериментов желал если не исключить эту страшную возможность вообще, то хотя бы как можно сильнее ее уменьшить. В идеале, вообще без Дарсии бы пробовать, да как этого достигнуть, когда только ее

стараниями дело куда-то и движется.

Дарсия Давенпорт

Отвечать на то, что юноша якобы виноват больше, Дарсия даже не стала; ей казалось, она ему что угодно простить может за то только, как он своей любовью укутывает её всю, как тепло обнимает и целует, какой он внимательный, нежный и верный. Перечислять достоинства Стефано, бесконечные в её глазах, Дарси могла бы долго, но гораздо более короткая и емкая правда заключалась в том, что девушка безумно дорожила Стефано и его любовью, дорожила и утратить боялась. Или хуже того, потерять там, где все зависело только от неё - этого Дарси никак не могла допустить и потому считала себя способной простить юноше что угодно.

Например, вот такие его настойчивые попытки сделать неправильно, когда он не понимал или не желал понимать, чего девушка от него хочет.

- Нет, кидать тебя с крыши мы не будем, - возразила Дарси. Ей этот вариант не понравился сразу: там, где нельзя серьёзно пострадать, ментальный блок наверняка выдержит, а там, где можно по неосторожности и убиться, не было никакого желания рисковать любимым человеком. Второй вариант был лучше, но Стефано попытался его перевернуть так, что и здесь смысл терялся. Взяв юношу за руки и переплетя их пальцы, Дарси настойчиво сказала: - Никуда я уходить не буду. Ты должен пробовать при мне, в этом весь смысл. Твой разум цепляется за то, что ты можешь сделать мне больно, и потому отказывается использовать магию - а это и есть ментальный блок в действии, понимаешь? Это и есть то, что нам нужно переломить. Ведь на самом деле ты не можешь причинить мне вред. Ты очень хорошо контролируешь свою магию, я это помню - а ещё ты меня любишь, я в это верю. Ты не позволишь мне пострадать. Поэтому попробуй создать ветер сейчас, пожалуйста, попробуй при мне, - закончила Дарси. Верить самой было просто, но ведь требовалось, чтобы верил и Стефано тоже, когда его разуму приказано совсем иное, и вот это и было наибольшей проблемой.

Стефано Грассини

- Как скажешь. Значит, обойдемся без крыши, - согласился Стефано. Этот момент как раз трогал его не слишком; юношу куда больше тревожило то, что Дарсия отказалась хоть сколько-нибудь от него отстраниться на то время, пока он будет пытаться справиться со своей магией. Напротив, девушка придвинулась еще ближе прежнего, схватила его за руки и звенящим голосом принялась убеждать, что так и надо, что так и будет правильно.

- Никогда себе не прощу, если своими руками причиню тебе вред, - тревожно сказал Стефано. Если это действительно был ментальный блок, то работал он отменно: еще только начиная думать о том, что он собирается применить магию, юноша уже боялся причинить Дарсии боль, то при попытках действительно вызвать ветер дело должно было только усугубиться. Но ослепительно горящие надеждой глаза девушки, как всегда, его переубедили. Стефано крепче сжал тонкие пальцы Дарсии в ответ и кивнул: - Хорошо. Хорошо, малыш. Я попробую.

Сосредоточиться на голубой чакре пока еще по-прежнему получалось легко, без малейшего труда, но следующий шаг вновь оказался неподъемным. Стефано не просто боялся причинить Дарсии боль - он практически видел, как вырвавшийся из-под контроля ветер становится острым, врежется девушке в лицо и рассекает нежную белую кожу, оставляя безобразные алые полосы. Даже закрыв глаза, чтобы не видеть лица девушки перед собой, юноша не мог окончательно избавиться от

этой картины: он чувствовал на своих руках нежные пальцы Дарсии, и боялся вдруг почувствовать, как эти пальцы покрываются кровоточащими ранами. От этих жутких образов у него горло перехватывало, и голубая чakra словно бы вставала поперек горла, мешая дышать, - но Стефано, упрямо пытаясь исполнить данное Дарсии обещание, продолжал стараться заставить себя отринуть этот ужас и все же дотянуться до своей когда-то родной и привычной магии.

Дарсия Давенпорт

- Всё будет хорошо, - как можно твёрже пообещала Дарси, стараясь, чтобы её голос не звенел от волнения и не срывался. Сегодня была очередь излучать уверенность так, чтобы суметь передать её и Стефано - которому, очевидно, чем дальше, тем хуже казалась её идея. Его пальцы сомкнулись на её ладонях так, что костяшки побелели, но Дарсия, не думая о том, что у неё после такой крепкой хватки, возможно, останутся синяки, ободряюще улыбнулась. Она в каждом мгновении искала возможность лишний раз подбодрить юношу, и потому успела ещё ласково сказать: - У тебя всё получится. Обязательно.

А потом Стефано начал пытаться выполнить её просьбу, и тут же стало ясно, что ничего у него не получается.

Хуже того, Дарси отчётливо видела, что эти попытки применить магию для юноши откровенно мучительны. У него в глазах непрерывно бился страх, близкий к ужасу, и даже когда Стефано закрыл глаза, Дарси продолжала видеть на его лице явственный отпечаток этого страха. Аура же юноши, когда Дарсия отважилась на неё взглянуть, выглядела ещё хуже. Голубая чakra безумно пульсировала в горле, то вспыхивая, то угасая, словно непрерывно раздуваясь и сокращаясь, тянула к себе силы, не применяя их никуда, выплескивая их попусту, и в какой-то момент стала выглядеть так ужасно, словно у молодого итальянца должно от напряжения вот-вот взорваться горло.

- Хватит! Пожалуйста, хватит! - не выдержала Дарси, которую начало резко подташнивать от мысли, что её любимый сейчас этими бесплодными, пустыми попытками просто истощит, изведет самого себя, и как бы ей вообще его не потерять. Рывком наклонившись к Стефано, Дарси уткнулась лицом в его горячую шею и забормотала, оставляя на смуглой коже беспорядочные поцелуи: - Перестань, пожалуйста, перестань. Я виновата, я придумала глупость, не надо меня слушать. Перестань, на тебя же смотреть больно. Пожалуйста, хватит.

Стефано Грассини

Пытаясь все же заставить голубую чакру подчиниться, Стефано, наверное, где-то понимал, что главное сейчас - переступить через парализующий его способности страх сделать все не так, сотворив ручную катастрофу, и применить магию хоть куда-нибудь, хоть как-нибудь, любым, пусть даже самым беззубым способом. И после этого, когда выйдет убедиться воочию, что вообще не обязательно магия приводит к катастрофе и можно применять её безопасно для окружающих, дело должно будет пойти полегче. Проблема заключалась в том, что наступить на страх и не обращать на него внимания не получалось. Он как будто прочно пустил корни в мозгу, пророс живыми ростками, проник в каждую клеточку, и вырвать его с корнем теперь можно было только с головой вместе. Стефано упрямо пытался отмахнуться от панических мыслей и все же дотянуться до магии, пытался, пока от собственной дурной настойчивости не заломило болью виски - а там уже и Дарсия бросилась к нему на шею, требуя немедленно перестать.

- Малыш, ты что? - изумился Стефано, обнимая прильнувшую к нему девушку. Она так дрожала и так винила себя, словно у юноши от этих попыток отвалились руки или ноги, или глаза вытекли кровью, тогда как по ощущениям самого итальянца, подобной катастрофы и близко не наблюдалось. Ну да, опять голова, так в первый раз, что ли, это не смертельно. Ну, голос прорезался не с первой попытки, из-за того, что голубая чakra будто застряла в горле, растревоженная впустую, но и в этом Стефано не видел ничего такого ужасного. - Милая, ты ни в чем не виновата. Я знаю, ты хотела помочь; уж как минимум, я не подозреваю тебя в желании меня угробить. Всё хорошо, родная моя. Не переживай так, не надо. Всё в порядке.

Дарсия Давенпорт

Сперва Дарси услышала только то, как Стефано захлебнулся собственным голосом, попытался заговорить, но не смог вытолкнуть их горла ни слова. Это её окончательно перепугало, привело в ужас, и Дарсия жалобно заскулила, вжимаясь лбом в шею юноши - угробила, она же совершенно его угробила, дура несчастная. Девушка не умерла на месте от разрыва сердца только потому, что банально не успела этого сделать. Почти сразу голос у Стефано все-таки прорезался и зазвучал как ни в чем не бывало, а тёплые объятия убаюкали Дарсию, заглушили тревогу и ужас. Девушка сомкнула ладони у Стефано на спине, ещё раз пробормотала: - Прости, - и, лишь услышав ещё с десятков раз, как его такой знакомый и такой родной голос убеждает её, что она ни в чем не виновата, рискнула поднять на юношу глаза.

Он и впрямь не выглядел хоть сколько-нибудь разозленным или даже просто раздосадованным. Обеспокоенным - да, но не более того.

- Вечно тебе от меня одно беспокойство, и никакого толка, - повинулась Дарси, с любовью запуская пальцы в волосы юноши. Такие длинные, запоздало осознала Дарсия, перебирая в ладонях отросшие тёмные пряди, как трава на ветру. Это сравнение было слишком глупым, слишком нелепым, чтобы говорить его вслух, и девушка только и смогла, что с нежностью произнести: - Как у тебя волосы отросли...

Хотелось бы так и говорить о нейтральном, но Дарси этого не умела. Почти сразу же её сбило на прежнюю тему, и девушка со вздохом заметила: - Так и запишем - план провалился. Жаль, мне казалось, он неплохой. Но я обязательно придумаю что-нибудь другое. Обязательно! - горячо пообещала Дарси. От того, что этот её план оказался фуфлом и неликвидом, необходимость решать проблему никуда не делась.

Стефано Грассини

Ещё какое-то время Дарсия продолжала выглядеть и звучать совершенно перепуганной, сжимаясь в руках Стефано в дрожащий, жалобно скулящий комочек. Но постепенно это всё прошло и отступило, и девушка перестала казаться такой разбитой - расслабилась, выпрямилась, подняла на Стефано глаза и даже заговорила об отвлеченных вещах, что было совсем уж хорошим знаком.

- Отросли, да. Каюсь, я их не контролировал, - сознался юноша, испытывая желание блаженно зажмуриться от того только, что тонкие пальцы Дарсии мягкой лаской скользили у него в волосах, взъерошивали и снова укладывали как девушке заблагорассудится, и каждое её движение дышало такой нежностью, что за одну только эту нежность руки ей целовать хотелось. - Тебе не нравится? - Хотя, если судить по тому, как увлечённо девушка играла с его волосами, ей именно что нравилось, и никаких причин что-либо менять не было.

Очень скоро Дарсия вновь вернулась к нависающей над ними проблеме потерянной магии, и снова принялась клясться, что она обязательно все решит и все придумает. От её неизменного желания помочь, от её искренней горячности болезненно и нежно щемило сердце, и Стефано, крепче сжимая девушку в объятиях, пообещал: - Милая, тебе не нужно будет думать над этим в одиночку. Я со своей стороны тоже буду придумывать, я постараюсь помочь тебе найти решение, - если магия казалась итальянцу не такой уж важной, то нежное и искреннее беспокойство Дарсии имело огромное значение и заслуживало того, чтобы хоть бы и голову себе разбить, молотя ею об стену в попытках отыскать решение; вдвойне заслуживало оттого, какой бесконечно прекрасной девушка становилась в своей влюблённой решимости. Продолжая крепко прижимать девушку к себе, Стефано осыпал её горячими поцелуями, и, с каждым новым поцелуем распаясь все вернее, уложил Дарсию на скамью, желая чувствовать её, нежную и любимую, ещё полнее и ближе.

Дарсия Давенпорт

- Честно? Ещё немножко, и это станет ужасно. Но пока - мне очень нравится, - призналась Дарси, продолжая бездумно теребить волосы Стефано. Уже очень длинные, но ещё не настолько, чтобы это превратилось в полное отсутствие стрижки, и Дарсия находила это очень красивым.

Если вдуматься подробнее - девушка считала своего любимого красивым в целом, и эта красота никуда не исчезала, если начать разнимать её отдельно на волосы и глаза, и на ещё десятки более мелких деталей. А если, напротив, собрать всё воедино, и добавить к этому то, какой нежной любовью светились его глаза, как надёжно и в то же время мягко её обнимали его крепкие руки, то и вовсе только и оставалось, что быть замороженной этим, и едва дышать от счастья. Дарси ласково сообщила: - Ты красивый. Весь, очень красивый, - и потянулась было к его губам, и юноша выбрал именно этот момент, чтобы встречно осыпать её поцелуями.

- Ты... что делаешь? - испугалась было Дарси, когда беседка вдруг совершила кульбит, и девушка оказалась лежащей на скамье. Но испугалась как-то хорошо, очень приятно, и внизу живота что-то сладко и волнительно сжалось. Стефано так горячо целовал девушку, у него были такие ласковые руки и губы, и кончики длинных волос приятно щекотали, касаясь кожи, а от сопротивления было бы столько шума - и Дарсия уступила. Уступила очень быстро, почти не сопротивляясь, позволяя юноше делать с ней всё, что ему захочется, и с жаром отвечая на ласки. Самым важным осталось лишь то, что они сейчас наедине и до безумия друг в друга влюблены, а все остальное для Дарсии временно потеряло всякое значение.
